

Маргарита Ватаманюк

*Ранняя
Осень
или
Позняя
Весна*

Маргарита Ватаманюк

Ранняя Осень или Позняя Весна

«Автор»

2026

Ватаманюк М.

Ранняя Осень или Позняя Весна / М. Ватаманюк — «Автор»,
2026

Роман "Ранняя Осень или Позняя Весна". Роман, который читается на одном Духу, о Жизни и о Любви и смерти, и о прозрении относительно Вечных Истин. Но читать его следует Медленно, Вдумчиво и Задумчиво, Наслаждаясь каждым Дуновением Мысли как Солнечным Ветром. Читайте с наслаждением.

© Ватаманюк М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Ранняя Осень или Позняя Весна

Глава

Роман "Позняя Весна" идет с романом:

"Ранняя Осень"

"Злобина"

"Великий Развратитель и Идиот"

Иначе никто из вас в нем ничего не поймет. Их, кроме "Ранней Осени или Старого романа" читайте сами из своей головы, по книгам Федора Михайловича Достоевского.

Содержание.....	1
Главы:	
Школа и подружки.....	2
Учитель.....	23
Поцелуй не по любви.....	37
Университет.....	41
Падение.....	88
Смерть.....	121
Ад.....	120

Роман, который читается на одном Духу, о Жизни и о Любви и смерти, и о прозрении относительно Вечных Истин. Но читать его следует Медленно, Вдумчиво и Задумчиво, Наслаждаясь

каждым Дуновением Мысли, как Солнечным Ветром.

Читайте с удовольствием.

Я пишу этот роман в назидание всем хорошим людям. Потому что жизнь тяжела, если что-то неправильно понимаешь. Я бы хотела это себе и всем остальным поправить.

В этом романе Я сожалела о своей и чужих жизнях, о моей прошлой испорченной были, о том, что меня опошляли и уничтожали дурными словами, книгами и фильмами, о том, что была слишком мягка, добра и нежна чтобы суметь моей бабушке и матери сопротивляться, а потом не могла понять университетских преподавателей и товарищей. Не потому, поймите, что была глупа, а потому, что они были уж очень неправы, то есть очень уж неправильно себя вели.

Я понимаю, что мое творчество, если его таковым можно назвать, не оригинально, но так пишутся все хорошие книги. Потому, что чтобы что-то написать, нужно что-то читать.

Мой роман "Ранняя Осень" предшествовал, то есть предварительствовал моему роману "Позняя Весна". Роман "Позняя Весна" говорит о том, что пора Весны* в моей жизни настала слишком поздно, и о той поре моей жизни, когда я была еще Юной, но Осень моей жизни не миновала, как я мучалась и страдала, как думала и недоумевала, от разнообразных впечатлений о жизни, о бытии, о настоящем, о будущем и о прошлом, как меня одолевали эмоции, зачастую неприятные и ужасные, и медленно убивала скука и тоска. Я долго страдала и была как во Аде, меня мучило все на свете, потому что мой Жених** меня уничтожал, видя дурное отношение всех остальных и желая им поддаться.¹⁵ А еще

из-за своего собственного разврата. А он должен был бы им не поддаваться, или не укорять меня, если уж их не осуждал. Нельзя никого осуждать, но о всех надо судить правильно, всем надо помогать, но не портить себя из-за этого, и не поддаваться грехам и порокам.

Роман "Поздняя Весна" я хотела еще назвать "Старая Весна", он о том, что Осень в моей жизни прикинулась Весной, но Осенняя пора была моей Весной, она была первой порою моей жизни, (хотя за Фридрихом Ницше, это Зима) и была моим Летом, то есть первой четвертью моей жизни. Потому что свои лета я считаю со своего Дня Рождения, а он у меня 15 июля, в самой середине Лета,

Но это все созвучно, еще и Пушкинскому*** стиху:

"Иль в память нам приходит,
Средь поэтического сна
Другая, старая весна,
И в трепет сердце нам приводит,

Мечтой о дальней стороне
О дивной ночи, о луне..."

* Далее это слово следует писать так. То есть с Большой Буквы, а не с маленькой.

** Жених мы пишем здесь с Большой, потому что речь об Истинном Ближнем и Будущем Супруге, по всем правилам.

*** Стих III из Седьмой Главы Александра Сергеевича Пушкина из его книги "Евгений Онегин".

Второй пассаж правилен, а первый пассаж говорит о том, что если все давать разорвано, получается рак, то есть такая болезнь.

Мой роман "Ранняя Осень" предварительствовал моему роману "Поздняя Весна". Роман "Ранняя Осень" говорит о том, что Осень моей жизни

настала слишком рано. А роман "Поздняя Весна" говорит о том, что пора Весны* в моей жизни настала слишком поздно, и еще, о той поре моей жизни, когда я была совсем еще Юной, но Осень моей жизни еще не миновала, о том, как я мучалась и страдала, как думала и недоумевала, от разнообразных впечатлений о жизни, бытии, настоящем, будущем и прошлом, как меня одолевали эмоции, часто неприятные и ужасные, и убивала скука и тоска. Я долго страдала и была как во Аде, меня мучило все на свете, потому что мой Жених** меня уничтожал, видя дурное отношение всех остальных и желая им поддаться. А еще из-за своего собственного разврата. А он должен был бы им не поддаваться, или не укорять меня, если уж их не осуждал. Нельзя никого осуждать, но о всех надо судить правильно, всем надо помогать, но не портить себя из-за этого, и не поддаваться грехам.

Роман "Поздняя Весна" я хотела еще назвать "Старая Весна", он о том, что Осень в моей жизни прикинулась Весной, но Осенняя пора была моей Весной, она была первой порою моей жизни, (хотя за Фридрихом Ницше, это Зима) и была моим Летом, то есть первой четвертью моей жизни. Потому что свои лета я считаю со своего Дня Рождения, а он у меня 15 июля, в самой середине Лета, а со Дня моего Зачатия — 21 октября, что довольно неровно и неправильно. Потому что мы должны все доношенными рождаться, а я родилась не так. Хотя, речь о другом.)

Но это все созвучно, и еще и Пушкинскому стиху:
"Иль в память нам приходит,
Средь поэтического сна
Другая, старая весна,
И в трепет сердце нам приводит,
Мечтой о дальней стороне
О дивной ночи, о луне..."

Вот только, для моего Жениха, сторона была совсем ближняя, а Пора была совсем ранняя, подобно Поре описанной в моем романе "Ранняя Осень". Но моя ранняя Весна была, как уже было сказано, порой моей Юности. Когда же настоящая Весна — это Молодость. А зрелая Весна это Зрелость. Старая же Весна это Осень, то есть Старость. Потом же, меня, к сожалению, настигла преждевременная старость души, что мучало меня, потому, что мой Жених меня уничтожал.

Но я не сдавалась и верила в Целомудрие и Добродетельность², я переживала о жизни Всех людей Планеты, о их Добронравии и Благополучии. А со мной многие обходились плохо, часто люди вели себя как обезьяны, но об этом рассказ впереди.

Я была Настасьей Филипповной и жила в селе Отрадном, так или похоже

называлось наше село. После того, как сгорел наш дом, мы очутились всей семьей в старом флигеле, мы жили очень бедно и стесненно.

А вот вариант, попроще:

После того как сгорел дом*, Я, бабушка, сестра, и двоюродный брат жили в одном доме, то есть во флигеле, в отличии от того, что было раньше. Дядя к нам уже не приходил на ночь, потому что работал в Небоневцах и раньше приходил на ночь иногда, а мать была в Италии, на заработках.

Тут на рисунке, видна будущая профессия моего будущего сына, который, если бы родился, стал поваром. А еще, тут видно, как правильно умыться, если нет водопровода. Мы мылись тогда в тазиках, у нас не было водопровода*. Но до пожара я ударила себе нос о железный тазик, и

именно потому все пошло не так, как предполагалось.

Ссылка на мою статью об Электричестве,на моей странице: <https://www.facebook.com/share/p/1FpaiWVhуa>

Мне выдали новые учебники, то есть другие, вместо сгоревших. А от моей уцелевшей одежды пахло сажой, что меня пристыжало.

Школа была большим, огромным зданием, где мы все пропадали с утра до обеда, а потом, после уроков, расходились по домам, и там опять все мы уроками занимались, то есть готовили задания на следующий день, когда мы опять пойдем к тому большому зданию, что было нашей школой. В нем было много метров ширины и три больших этажа. Мы там гуляли и бегали по школьным дворам и ходили по корридорам, сидели в своем классе и, во время уроков подходили к доскам.

* Сказ о том, как сгорел дом,¹ или как девица по воду ходила. Тогда никто не обжегся и не погибнул.

Мои подружки, то есть врагини, никак не унимались: Собрались подружки в кружок и стали думать, как мне вред нанести, как меня развратить. И спрашивали насчет сорок. А какое им, право, дело было? Вот я и обманула, из стыдливости, хотя их у меня не было. Я стыдилась того, что я, по сравнению с ними, слишком незрела, как мне показалось. И в чем я, собственно ошибалась. Но я должна была бы быть молчаливой и не сказать ничего, если стыдилась. Но в другой раз они собрались и стали говорить, точнее только одна девочка из нашего класса, Жюстина, что один учитель, точнее, наш классный руководитель, сказал, что мы все станем потаскухами, и стала пальцами на нас указывать, называя наши имена и перечисляя, например: "И Алина, и Лидия, и я..." — Сказала Жюстина. Но тогда мне было непонятно, что они хотели сказать и

что скрывали.

Так вот, они так говорили и не обминули и меня, да матери говорить заказывали. А я сказала об этом маме, плача и жалуясь. Позвонила ей в Италию и об этом плакала.

А в третий раз, когда мы собрались в кружок вокруг какой-то парты, то они стали опять на себя, каждая, пальцами указывать, по очереди, припоминая ту ситуацию, и когда очередь дошла до меня, я смолчала. Потому что таковой себя не считала, и маме об этом сказала.

Мне неизвестно, сказала ли моя мама что-то им всем или руководителю классному, но скорее всего она смолчала тоже. С тех пор я начала думать о себе плохо, я думала, что же значит это слово, "потаскуха", и не понимала, почему они с таким злорадством в глазах, о нем при мне упоминали, и так себя обзывали.

А речь шла о предательстве, потому что говорят, что блуд есть предательство, и я, оказывается, якобы, нашего классного руководителя предала, сказав обо всем

маме. Но это было вовсе не так, я не предавала никого безвинно, я только жаловалась на обидное слово, которым была обозвана.

Но больше, подружки, таким образом, не собирались в кружок, по крайней мере, о том, и о таком, больше при мне не болтали.

Они, чего я не сказала, были моими врагами. Но если я маме что и сказала, то блуд все же означает предательство Истинного Ближнего и Жениха Духовного, а вовсе не руководителя классного, или кого бы то ни было, как нам навязывали. Потому они мне и сказывали, не говорить маме, потому что думали, мне это представить и так сказать моему Духовному Жениху. Якобы я предала чужого, а это невозможно, он моим не был и не могла я его любить. Ближним моим он не мог бы быть и потому его предать мне невозможно было.

Простите: неприличная картинка, обнаженная девушка.

А придумала это все Жюстина, по указу нашего классного руководителя.

Мои подружки, то есть врагини, никак не остепенялись, каждая по-своему мне досаждала. Анастаси, то есть Вирсавия использовала черную магию, Лючия списывала у меня. Мария, то есть, Владислава, списывать мне давала, правда, сама, но оговаривала меня при других, они с Люцией и Лидией создавали конклав и сообщая друг друга на меня клеветали и при творно друг друга от меня защищали, даже при мне, однажды, когда я даже не нападала.

Лидия, которую звали Дорой, и так крестили, была принцессой Золушкой, как и Лючия. Мария, то есть Владислава была Ариель, потому, выше, она нарисована как русалка. И я была и этими всеми принцессами, кроме тех, что были

названы мной, когда я рассказывала о пожаре. Жюстина была Эльфом из Питера Пэна, а Анастази, то есть Вирсавия была Черной Ведьмой, потому что таких красавиц, как она, иначе не называют. Она была фэнтезийной Ведьмой, а вовсе не Принцессой. **

* Смотрите ссылку:

⁶ "О Сказочных Развращенных и Замученных Принцессах" где я играла всех Принцесс, потому, что исполняла функции всех Принцесс. А они были нерадивы.

А если нарисовать иначе, получится такой пассаж:

Лидия, которую звали Дора, и так крестили, была принцессой Золушкой, как и Лючия. Они обе были голубоглазыми блондинками, но, быть может, — поправляет меня Федор Михайлович Достоевский,— Лючия была Мальвиной, хотя глаза ее были синеваты, хоть и не

сини. Мария, то есть Владислава была Ариель, потому, выше, она нарисована как Русалка. И я была и этими всеми Принцессами, кроме тех, что были названы мной, когда я представлялась ими и объясняла, что была ими, рассказывая о пожаре. Жюстина была Эльфом из Питера Пэна, а Анастази, то есть Вирсавия была Черной Ведьмой, потому что таких красавиц, как она, иначе не называют. Она была фэнтезийной Ведьмой, а вовсе не Принцессой. *

^

| А тут, куда казывает эта импровизированная стрелочка, как Русалка нарисована Я.

Но они все мне казались красивыми. Лидия имела большие голубые глаза, Владислава — красивые зубы и длинные волосы, похожие на лисий хвост, когда она собирала их в хвостик, Лючия имела

красивые длинные ногти и неплохую фигуру, а Вирсавия красивые и холеные руки. Жюстина тоже имела красивые длинные, но зеленоватые, светлые и кудрявые волосы, когда же волосы Владиславы были прямы. Каждая из них была ядовита и каждая мучала меня, как уже было рассказано, кто — чем могла.

А Жюстина мучала меня, например, вставляя в речь слова вроде: "чётко", "жёстко", "тупо", "стрёмно", и все время говоря короткое сальное слово, обозначающее потаскуху, говоря скабрёзости, рассказывая о всяких грязных пассажах, услышенных, или увиденных ею у своих знакомых и родных. В особенности, о взаимоотношениях ее брата и Селесты**, одной девушки из моего класса, Да и вовсе измучивала меня своим поведением и сплетнями, которые она мне рассказывала и в которых, один раз, даже заставила меня участвовать. Это

было так: У меня на щеке была родинка, а она спросила: "Неправда ли, это отвратительно, что у Регины на лице родинки." На что я подавлено ответила: #Да.#Я хотела бы быть подружкой Регины а вовсе не сплетничать о ней. Но с Региной дружить я не решалась, потому что у нее была уже подружка, Алина, другая девочка из моего класса. Регина была лучшая ученица в классе, я так думала вовсе не из подобострастия. Она мне чем-то нравилась. Она была, хорошою, как мне показалось. И она мне тоже, немного, как мне казалось, симпатизировала.

И вот Жюстина, видимо, потом, донесла ей мои слова, чем, наверно, оскорбила ее. То есть сплетничала, еще и.

Но сейчас о Регине.

Как-то раз, в третьем классе, она даже пригласила меня сидеть с собой за одной

партой, и мне очень хотелось согласиться, но мой Ангел Хранитель решил иначе. Он решил сказать им всем, что меня сидеть с собой за одну парту приглашали, что "чем деготь, лучше мед", и усадил меня тогда за последнюю парту с худшей ученицей,

якобы, чтобы я им всем доказала, что не существует плохих учеников, как и плохих людей, как я считала, но что все люди равны***, как хотел мне мой Ангел Хранитель объяснить, и что они все добры, как я думала сама. Но я тогда не понимала еще своих мыслей и что отвергала людей за то, что они ставили между собой и другими табели о рангах, и ту девочку не почитали. За то, что усаживали, как мне казалось, за последнюю парту, самых дурных учеников. А я была, в своем роде коммунисткой, я родилась в 1989 году, еще до распада Советского Союза, и придерживалась интуитивно, некоторой уравниловки.

Но та ученица напропалую болтала, и мне

учиться мешала, так что мне пришлось пересест, от нее, вскоре.

** Об этом смотрите роман Моего Жениха, который написала одна женщина, под псевдонимом Кэтрин Корр, "Ангел".

*** Но "Люди не равны, так говорит мудрость" — говорил Фридрих Вильгельм Ницше, в своем произведении "Так говорил Заратустра".

А это все потому, что меня сидеть с собой за одну парту не пригласила Владислава. С которой хотел меня посадить и которую мой Жених Духовный и Ангел Хранитель, в одном лице, считал Марией, потому что ее так крестили. Марией же, на самом деле, была Я.

Здесь нарисован Медведь, которого я видела, когда к нам в школу приехал Цырк. Мне очень жаль цырковых

животных, их не должны мучить для представлений. Тут, далее, нарисован мой портрет, с носовым платком, что говорит о моем сожалении о потерянной дружбе и таком поведении.

А тут, пониже, я склонилась над книжкой.

Если же тут переменить пару строчек, получится другой рисунок:

Здесь нарисован Медведь, которого я видела, когда к нам в школу приехал Цырк. Мне очень жаль цырковых животных, их не должны мучить для представлений. Тут, далее, нарисован мой портрет, с носовым платком, что говорит о моем сожалении о потерянной дружбе и таком поведении. Но вовсе не о том, что была немного коммунисткой.

А тут, пониже, я склонилась над книжкой.

Если же тут переменить пару строчек, получится другой рисунок, нарисуйте его сами, если Вы — Я, согласно теории "Вечного Возвращения" Фридриха Ницше.

Я его даже гладила. Мне хотелось плюшевого медвежонка, а в детстве мне купили игрушечную собачку. Но даже на выпускной мне подарили медведя из искусственной шерсти, что

было на ощупь неприятно. Однако животных, даже собак, гладить и обнимать, как и вообще трогать, нельзя. Потому что они от этого страдают. Даже детей нельзя трогать без дела, их нельзя в самом даже детстве обнимать и целовать, потому что иначе они сладострастными вырастают.

У нас, в школе, была одна девочка, большая умница и красавица, как ее все в школе считали, ее звали Наталья. Так вот, Владислава, которую все Марией называли, на нее наговаривала при мне, говорила, что она потаскуха, и спровоцировала и меня сказать о ней плохие слова, а потом, она передала мои слова Наталье, и они уже вместе так меня обзывали.

У нас, в школе, была одна девочка, большая умница и красавица, как ее все в школе считали, а звали ее Наталья

Так вот, Владислава, которую все называли Марией, наговаривала мне на нее. Говорила, что она плохо себя ведет.

и спровоцировала и меня сказать о ней плохие слова, а потом, она передала мои слова Наталье, и они уже вместе обзывали так меня.

Второй пассаж этот, подобный первому я написала потому, что хотела продемонстрировать, как от одного порядка слов может поменяться весь Дух произведения. В первом пассаже Дух почище, а во втором Дух спертый.

Посмотрим другой рисунок:

А Жюстина мучала меня, например, вставляя в речь слова вроде: чётко, тупо, жёстко, стрёмно. Рассказывая о всяких

грязных пассажах, услышанных или увиденных ею у своих знакомых и родных. В особенности, и в основном, о взаимоотношениях ее брата и Селесты, одной девушки из моего класса. Да и вовсе измучивала меня своим поведением и сплетнями, которые она мне рассказывала и в которых, один раз, даже заставила меня участвовать. Это было так: У меня на щеке была родинка, а она спросила: неправда ли, это отвратительно, что такая же родинка на щеке у Регины. На что я подавлено ответила: #Да.#Я хотела бы быть подружкой Регины, а вовсе не сплетничать о ней. Но с Региной дружить я не решалась, потому что у нее была уже подружка, Алина, другая девочка из моего класса. Регина была лучшая ученица в классе, но я так думала вовсе не из подбострастия. Она мне чем-то нравилась. Она была, хорошею, как мне показалось. И она мне тоже симпатизировала. Как-то раз, она даже

пригласила меня сидеть с собой за одной партой, и мне очень хотелось согласиться, но мой Ангел Хранитель решил иначе. Он решил сказать им всем, что меня сидеть с собой за одну парту приглашали, что "чем деготь, лучше мед", и усадил меня тогда за последнюю парту с худшей ученицею,

якобы, чтобы я им всем доказала, что не существует плохих учеников, как и плохих людей, как я считала, но что все люди приятны, хотел мне мой Ангел Хранитель объяснить, и что они все добры, как думала я сама. Но я тогда не понимала еще своих мыслей и что отвергала людей за то, что они ставили между собой и другими табели о рангах, и ту девочку не почитали. За то, что усаживали, как мне казалось, за последнюю парту, самых дурных учеников. А я была, в своем роде коммунисткой, я родилась в 1989 году, еще до распада Советского Союза, и придерживалась интуитивно, некоторой уравниловки.

Но та ученица напропалую болтала, так что мне пришлось пересест, от нее, вскоре.

А это все потому, что меня сидеть с собой за одну парту не пригласила Владислава. Которую мой Жених Духовный и Ангел Хранитель, в одном лице, считал Марией, потому что ее так крестили и хотел нас вместе усадить. Марией же, на самом деле, была Я.

Здесь нарисован мой портрет, с носовым платком, что говорит о моем сожалении о потерянной дружбе и таком поведении.

Если же тут переменить пару строчек, получится другой рисунок:

А Жюстина мучала меня, например, вставляя в речь слова вроде: чётко, жёстко, стрёмно. Рассказывая о всяких грязных пассажах, услышенных или увиденных ею у своих знакомых и

родных. В особенности, о взаимоотношениях ее брата и Селесты, одной девушки из моего класса. Да и вовсе измучивала меня своим поведением и сплетнями, которые она мне рассказывала и в которых, один раз, даже заставила меня участвовать. Это было так: У меня на щеке была родинка, а она спросила: неправда ли, это отвратительно, что такая же родинка на щеке у Регины. На что я подавлено ответила: #Да.#Я хотела бы быть подружкой Регины, а вовсе не сплетничать о ней. Но с Региной дружить я не решалась, потому что у нее была уже подружка, Алина, другая девочка из моего класса. Регина была лучшая ученица в классе, но я так думала вовсе не из подобострастия. Она мне чем-то нравилась. Она была, хорошею, как мне показалось. И она мне тоже, симпатизировала. Как-то раз, она даже пригласила меня сидеть с собой за одной

партой, и мне очень хотелось согласиться, но мой Ангел Хранитель решил иначе. Он решил сказать им всем, что меня сидеть с собой за одну парту приглашали, что "чем деготь, лучше мед", и усадил меня тогда за последнюю парту с худшей ученицею,

якобы, чтобы я им всем доказала, что не существует плохих учеников, как и плохих людей, что все люди приятны, хотел мне мой Ангел Хранитель объяснить, и что они все добры. Но та ученица напропалую болтала, так что мне пришлось пересест, от нее, вскоре.

А это все потому, что меня сидеть с собой за одну парту не пригласила Владислава. Которую мой Жених Духовный и Ангел Хранитель, в одном лице, считал Марией, потому что ее так крестили. Марией же, на самом деле, была Я.

Тут нарисованы мои одноклассницы, четверо.

В самом верху пассаж о том, как должна была расплачиваться за свои проделки Жюстина (которую звали иначе). Потому что она пыталась меня соединить с Цветаном, который не был Женихом моим, и даже не был Другом, а я того не знала.

То есть, на Встрече Выпускников она поцеловалась с нашим учителем, то есть с классным руководителем. Потому что таково, как ее ангел хранитель и жених посчитал, было условие ее контракта с Федором Михайловичем Достоевским*, потому что она жила в романе и за то, что я целовалась с Цветаном, она должна была так быть наказана, как ее жених посчитал, или он ее и вовсе так, скорей всего, развращал. Потому что никому нельзя жить в романе, даже сочиненном самим Федором Михайловичем Достоевским. #Мысль моя состояла в том, чтобы чужой рукой написать роман, и показать диво.# — Так говорит правдиво

сам Федор Михайлович Достоевский, который пишет моей рукой этот роман сейчас. Потому я была принуждена жить в романе.

* Но Достоевский того не проектировал, он только написал роман о такой расплате, а жить в романе было нельзя, а они все этого не понимали.

А что касается уравниловки, был еще случай:

Я училась в пятом классе и был открытый урок по языку. Мы проходили конкурсы и состязались командами, на тему языковых правил. И каждый президент команды, среди которых была и я, распределял в команде, за ответы по вопросам, баллы. Каждый президент команды брал себе, по недосмотру, конечно, самое большое количество баллов. Я же старалась каждому члену команды распределить по заслугам, как если бы от этого зависел его контрольный балл. И тогда, после урока,

ко мне учительница подошла и поцеловала в щеку, сказав, что обо мне комиссия отзывалась, как о чудесной девочке. Я очень этому обрадовалась, и мне было очень приятно. У меня по учебе было много успехов, но этот особенно запомнился. Был и еще один запомнившийся случай, когда мне аплодировал весь класс, за всего лишь восьмое место на Олимпиаде по экономике. Так были добры все мои одноклассники и так они меня любили, несмотря на всю вражду. Вообще, они были добрыми и только по-детски враждовали и злились, если злились, конечно.

Здесь нарисован профиль отца моего, он мне очень помогал, учил меня в детстве и Библию читал, но больше учил моего Духовного Жениха. Там, помельче, и лицо моего Духовного Жениха, его видно в первую очередь.

Отец учил меня быть экономной, то есть покупать вещи подороже да по-лучше, вместо дешевых и дурных, которые можно во многом количестве купить.

Тут мой Ангел Хранитель держит пальцы сердечками.

Но лоб у меня все равно, кажется, что с трещиной, и кажется, что голову я себе так и не поправила, но только кажется, что она все еще у меня с трещиной будет, когда я возрожусь. Но мой Жених Духовный будет больше и сильнее и станет, наконец здоровым, потому что я раньше упоминала, что он идиот. Но он уже не будет так прекрасен душой, а будет нормален.

Но тут была неправда и она видна по этим диагоналям и пенису нарисованному здесь. Тут проступает, также, странное

лицо, которого черты слишком гипертрофированы. Это жертва пластической хирургии, которых множество развелось сейчас. Но так, как эти девушки, поступать с собой нельзя. А в детстве, я думала собой сделать похожее, то есть именно поправить нос, разбитый случайно о тазик, но мать мне не позволила. И хорошо, что так.

Но тут была неправда и она видна по этим диагоналям и пенису нарисованному здесь. Тут проступает, также, странное лицо, профиль, черты которого слишком гипертрофированы.

Тут я хочу показать, что если переменить местами одно только слово, Дух получается, потом, спертый.

Тут мой Ангел Хранитель держит пальцы сердечками.

Но лоб у меня все равно, кажется, что с

трещиной, и кажется, что голову я себе так и не поправила, но только кажется, что она все еще у меня с трещиной будет, когда я возрожусь. Но мой Жених Духовный будет больше и сильнее и станет, наконец здоровым, потому что я раньше упоминала, что он идиот. Но он будет также прекрасен душой, хотя будет нормален.

Последнему — верить. Тут же, видно мое тело, как я танцую баллет, почему-то, нагишом.

Но относительно уравниловки следует сказать, что она безусловно вредна, ""Люди не равны", — так говорит мудрость" — говорил Великий Философ Фридрих Вильгельм Ницше в своем великом философском произведении "Так говорил Заратустра".

Я хотела быть красивой и думала о том как быть наравне со всеми и не хуже их и не причинять никому страдания своим внешним видом. Я имела нос с горбинкой, потому что я в детстве ударила носом, когда прыгала в кресло. И я однажды рисовала курносую девушку, а мой отец сделал мне одно очень странное замечание, он сказал: "А я знаю, почему ты так рисуешь." И больше ничего не сказал, а я не стала спрашивать, что он подразумевал. Но, с тех самых пор, я стала угнетенной, слегка угрюмой и очень унылой, мне совсем перестал нравится мой нос. Я стыдилась его и не знала что делать, и с тех пор я этим страдала, страдала от мысли, что я не красавица, и что другим это может быть неприятно. А я не хотела причинять никому боли и страдания оттого, что я не красива и не красавица, как многие бы сказали. Я думала, что от моей некрасивости страдают другие, а это было не совсем так. Другим должно быть все равно

относительно чужого внешнего вида. Но нам самим должно быть важно, что бы мы выглядели достойно. Но тут, в романе, есть способ как его, то есть нос, поправить, дочитайте далее.

А у моей сестры Людмилы (довольно неудачное имя для нее, я ей дала его случайно, будучи пяти годков, потому что имя очень долго выбирали, и к крестинам не поспевали, потому обратились к ребенку, ко мне, и я назвала ее так) а на самом деле Матроны, побиты лобные доли, потому что она падала, в детстве с полатей, а еще у нее была нога загипсована, в детстве, из-за неудачного имени. Но она все же выносила и родила своих двоих детей, в будущем, относительно истории романа.

Посмотрите еще один, такой же, пассаж:

А у моей сестры Людмилы (довольно неудачное имя для нее, я ей дала его случайно, будучи пяти годков, потому что имя очень долго выбирали, и к крестинам не поспевали, потому обратились к ребенку, ко мне, и я назвала ее так) а на самом деле Матроны, или Анастасии, покуда я была Настасьей Филипповной, и Анастасией Римлянкой Старшей, — она была Анастасией Римлянкой Младшей, побиты лобные доли, потому что она падала, в детстве с полатей, а еще у нее была нога загипсована, в детстве, из-за неудачного имени. Но она все же выносила и родила своих двоих детей, в будущем, относительно истории романа.

Тут, повыше, ее портрет.

Однако, она родила от чужих ей мужчин и в этом не много славы. А как же от чужих? От тех, кто имеет своих Ближних. Точнее от одного какого-то сначала, а потом и от

другого, каждый из которых имел Свою, помимо нее. **

Смотрите последнюю ссылочку " О грехе Онана", но смотрите ее после прочтения всего романа.

Однако, вот открылась некая тайна того, почему была и Анастасия Младшая и Анастасия Старшая, в одной и той же семье. А потому, что мой Духовный Жених не понимал ни черта в родственных связях и попросил у моих родителей сестру, когда хотел со мной увидится. Он хотел, чтобы ему привезли меня, а попросил через меня сестру, что было тогда неправильно. И так родили Матрону.

Я работала по дому, когда жила дома, с матерью и отцом, а потом очень много

трудилась когда жила у бабушки, Марфы Петровны Щетининой. Я читала книжки и ходила в школу, где училась на отлично. Часто помогала маме и отцу, если он готовил нам еду, чистить и нарезать картошку и потом они ее варили, по маминому рецепту, со сметаной. Мы с сестрой очень любили это блюдо и отец его часто готовил, уча нас аккуратно чистить и мыть картофель, говоря, что и есть приятно, если чисто. Я помогала маме и бабушке нарезать картошку, помидоры, перец и лук, для борща, очень часто мыла посуду в тазике, сама, одна, подметала пол, после того, как все покушали, и убиралась, протирая пыль и, опять же, подметая, всюду, в доме бабушки.

То мыла с мамой и бабушкой одежду, в воде колодезной, это у нас стиркой называлось. Часто я штопала носочки, блузки и кофточки. Иногда то носок порвется, то у

блузки пуговичка оторвется... И я со всем этим справлялась, а потом садилась за уроки, а на второй день в школу шла и получала одни пятерки, до седьмого класса, пока нам шкалу не переменили. А до одиннадцатом класса у меня было все отлично, и только одна девятка, по 12 балльной шкале, в одиннадцатом классе вышла, остальное все десятки и выше.

Но за это все от мамы мне не было никакой благодарности, а от бабушки Марфы мне была одна только брань. Она ругала меня часто за малейшие упущения, хотя я не была нерадивой, да и упущения эти были часто придуманные, а не настоящие. Чуть что сделаю не так, как бабушке моей представлялось должным, сразу она меня начинает ругать на чем свет стоит. Обзывала и заразой, и нехлюйной, и прочими ужасными словами, но об этом есть рассказ в моем третьем романе, который я напишу в будущей жизни.

Я писала в дневниках:

"Бабка опять накричала, как это неприятно, когда кричат и обзывают... Как это больно и противно, как нехорошо и неприятно..." Как нехорошо, что она не сдерживается и не усмиряет гнев, ведь для этого достаточно просто хорошо дышать. Но она и дышала хорошо, но все равно была гневна. Она, мне казалось, хочет моего греха, хочет, чтобы я согрешала, и потому провоцирует и меня кричать, потому что иначе с ней разговаривать нельзя, приходится на нее кричать, чтобы она на меня не кричала, на все те ядовитейшие вещи, которые она выражает, приходится только, нехотя, озлобляться и кричать. И ей, как будто, нравилось, что я в ответ кричала и отвечала ей. Она как будто утешалась, когда я, бывало, не сдержусь, особенно, если ей удастся меня переспорить и в конце поставить на своем. Она, также, заставляла меня по три раза отвечать на

тот же самый вопрос, притворяясь, я уверена в этом, неслышащей, потому что если я, бывало не отвечу, она сразу и услышит. А делалось это, чтобы я клялась, но я никогда не хотела клаться и, значит, не клялась, даже если то, что она требовала говорила, ведь я не клялась и слово клятвы не говорила.

Вот из-за слов моей бабушки Марфы Петровны, ее крика и пустых, суетных укоров, и таких пассажей, у меня внутри все переворачивалось, меня ужасно раздражало, кололо иголками и жгло всю душу. Это был Ад.

Благодаря этому роману, в будущей жизни я стану более волевой и умной, мне надо было волю свою на зло не направить и никогда не направлять, вовсе и совсем.

Я носила очки и читала в очках для исправления зрения, в очках, что учили глаза сопротивляться невиденью, как мне сказали, и было у меня всего пара очков, одни чтобы не видеть, а другие, чтобы

видеть. Мне было очень стыдно за них, и я стеснялась их надевать, хотя мне сказали, что если не буду надевать их, то будет все больше плохеть зрение****, но хуже зрение оттого, что я их не надевала, не стало, а наоборот, стало поправляться, потом, когда я начала с Моим Любимым разговаривать в голове, но об этом потом.

****А это было не так. Глаза не ухудшаются, то есть не плохают, в смысле, само зрение, от ношения очков, это бы всем нам следовало знать. А не заставлять девочек и мальчиков, юношей и девушек носить очки. Очки не нужны даже старикам, потому что и у них зрение может поправиться, дочитайте мой роман и поймите, как.

Моя бабушка была грубой и жестокой женщиной, а моя мать ее поддерживала и потакала ей, даже когда я с ней ссорилась или ругалась. Точнее так: она меня ругала

и ссорилась со мной все время из-за пустяков, а я никак не могла найти поддержку у матери. Мать меня и стригла, без моей на то воли, и одевала не так как я бы хотела, а по новейшей, вульгарной, моде. Мать стригла меня когда хоть чуть отрастали волосы, и они оставались у меня всегда почти только до плеч, и я их все время собирала в назад, как и положенно приличной девушке. Я делала бы это и так, без напоминаний бабушки, которые она, зачастую, делала грубо и неуместно, потому что проводила аналогии с распущенными женщинами, вызывая подозрение моего Духовного Жениха в том, что я дурна. Это было частью ее магии, которую она использовала против меня.

Тут вверху, нарисована бабушка, в очках.

Мой Жених думал, что я дурна или зла, потому что такие подозрения наводила на него моя бабушка, пользуясь магией и

обзывая меня совсем зря самыми разнообразными пошлыми и дурными словами, и когда Он, раздражаясь на нее за это, гневил меня и я кричала на нее в ответ на ее крик, что было и по самым разнообразным поводам, когда она обзывала меня неприлично и ругала на чем свет стоит, а мама молчала, или вела в то самое время, с ней, самые посторонние разговоры, причем, как будто ни в чем не бывало.

Напряжение между нами все нарастало. Я ужасно злилась на бабушку и начинала даже ненавидеть ее. Но не мать, я думала, что она не виновата, а думала, что бабушка ее против меня настраивает. А когда я прочитала роман "Преступление и наказание", о чем речь впереди, я

стала ассоциировать мою Бабушку со Старухой Процентщицей, которая мне ни есть, ни жить не давала, а жизнь мою заедала, причем, обвиняла меня саму в том, что я ее, якобы, заедаю. И причем, почти через одно слово. Об этом смотрите мой опус

"Ранняя Осень, или Старый роман", там того мало, но кто интересуется, вообще, моим творчеством, тот пусть посмотрит и поинтересуется.

Учитель

В наш класс пришел Новый Учитель, то есть который еще ничего не преподавал у нас, его звали Аркадий Иванович Отрадный.

Он дал нам прочесть много книг, и в том числе, Пушкина Александра Сергеевича и Федора Михайловича Достоевского, правда, из Хрестоматии, а потом стал нас спрашивать.

День был пасмурный, на небе были огромные серые тучи, которые плыли очень быстро под натиском порывистого ветра, насколько я могла судить, наблюдая это все из большого школьного окна. В классе было темновато.

Он спросил: "Bine a făcut Rascolnicov?"*

А я сказала:

— Da! — на весь класс.

А он спросил:

— Dacă tu ai fi mai bogată, decât mine, eu ar trebui să teucid?**

Я промолчала.

Потому что я считала, что Раскольников не был виноват.⁷ (Однако же, заметим в скобках, тогда, в то время, Аркадий Афанасиевич Отрадный дал нам попробовать плода, с Дерева Познания Добра и Зла, это значило либо впасть в разврат, либо начать убивать, но разврат тоже есть убийство, потому он и был ужасен.***

Потому что если считать что Раскольников сочинил Зло, то пытаешься остережиться быть Злой, то есть совершать Зло****, и становишься чресчур мягкой, или

*** А мне тогда припомнилась вся моя

злоба на Бабушку, и все мои страдания, я очень горько плакала над образом Сони Мармеладовой, которую изводила, криком, причитанием и похабностью, злая, на мой взгляд, Катерина Ивановна. Но Катерина Ивановна мне казалась похожей на мою мать, а вовсе не на бабушку.

пытаешься принять Зло и становишься чресчур твердой, и начинаешь подражать злодеям, то есть сочиняешь Зло. Или же, если считать, подобно тому, как он спрашивал, что Достоевский Федор Михайлович хотел показать идеал героя, который возвращает человечеству мир и добродетель, потому что его гнев и злоба направлены прямо и правильно, а не криво выплескиваются, как у всех, почти, остальных персонажей романа, — кроме Сони Мармеладовой, которая вовсе не имеет гнева и злобы, — во все стороны общественных направлений и общества,

потому что не бьют прицельно, а рассеиваются и уходят в какие-то непонятные самому агрессивному человеку дебри, и причиняют либо всем неприятность, либо если все таковы же, давят самого прямого и праведного человека.

Тут изображена моя беременность, которая тогда еще не настала когда планировалась, и никогда так и не настанет, в этой жизни, то есть, если ко мне не придет мой Духовный Жених, которого в это время я очень жду.

*— Хорошо ли поступил Раскольников?

— Да!

— А если бы ты была богаче, чем я, то мне надо было бы тебя убить?

** Остеречься совершать Зло, то есть.

**** Оправдание Раскольникова⁷

При всем том, он напускал на себя вид совершеннейшего дитяти, он был словно впрямь как ребенок, почти что нашего возраста, хотя ему было тогда 53 года.

Он читал нам такую лекцию: о Федоре Михайловиче Достоевском:

Тема: Федор Михайлович Достоевский

Рожден 11 ноября 1821 года — умер он числа 9 февраля 1881 года.

Русский писатель, родившийся в семье врача. Отец был строг, а мать блаженною. В Тульской области был убит крестьянами его отец, он их подавлял и насиловал. Перед тем отец послал Федора и его брата Михаила в военное училище. Там их муштровали, держали в казармах, что им очень не нравилось.

По окончании, работает в одном департаменте, но через год посвящает себя и свою жизнь литературе. На его эстетический и философский идеал

влияли такие писатели, как Александр Сергеевич Пушкин и Михаил Васильевич Гоголь.

Первая же его литературное произведение — рассказ "Бедные люди" приносит ему славу. Был написан в стиле Гоголя. В 40-х годах его литературная концепция сформировалась под влиянием Виссариона Григорьевича Белинского.

В 1847 посещает литературно-художественный кружок "По пятницам" Буташевич-Петрашевского. Там Достоевский прочитал "Письмо Белинского к Гоголю", и вместе с остальными членами был арестован и приговорен к смертной казни через расстрел, но по наказу приговорен, потом, к физическому труду, каторге, на 4 года, а потом разжалован в простые офицеры. Тут обострилась болезнь падучая, которой он болел и прежде. Живет в Твери, а потом в Петербурге. После каторги пишет

"Записки из мертвого дома". В 1860 — 1870-х годах пишет произведения (романы): "Преступление и наказание", "Идиот", "Подросток", "Бесы", "Братья Карамазовы".

В которых изображает контрасты социальной жизни и начало перемен образа жизни. В 1861 году в произведениях показаны страдания людей, поделенность мира на богачей и бедняков, людей что лишены права и тех, кто имеет все права. Рядом с Достоевским в этом описании не было никого. В каждом слове писателя — узел мысли и чувства. Он был психологом, интеллектуалом.

А вот что я писала в своем личном Дневнике:

"12. 02. 05

Нет, Раскольников, Родион Романович однозначно не виновен.

Я бы приравняла его к человеку, который берет взятки.

Теперь надо подумать как бы остановить, придумать что-то действительно полезное человечеству.

Жалеть преступников, плохих людей.

Нет, я неправильно сказала, людей что кажутся нам злыми (?)—

Без души незачем жить. Потому и следует их пожалеть.

Каждое преступление — убийство. Преступление приносит страдание большинству. Из них, некоторые несовместимые с жизнью.

Страдания лиц его романа, точнее то, что они в нем имеются, это важнейшая и величайшая вещь.

Это очень важная вещь, и в его время и в актуальное.

В этом романе показана невозможность убийства. Но также, он учит жалеть убийц и понимать их, но вряд ли убивать — это запрещено! — Да это оно, я нашла правильный выход!

В другой колонке была мысль "1845 — 1849, социалистический-утопизм Фурье.

Существовала же такая мысль, которой люди некогда придерживались. Может и в ней была какая-то правота. Они сопротивились власти старухи процентщицы. Но они шагали через кровь, что было неправильно. (Но такой перкуссии как тут у меня не было и вовсе и вообще не было никакой перкуссии.)

Потом я писала в две колонки Мысли и Опровержения, которые мне шептал Мой Духовный Жених и Сам Автор "Преступления и наказания" Федор Михайлович Достоевский, по вдохновению. Чьей Реинкарнацией и был мой учитель Аркадий Иванович Отрадный.

Я писала в одной колонке Утверждения, а в другой — Опровержения.

В первой колонке, Мыслей, я писала:

1. Если бы он не убил ее, он бы убил себя — а это большой грех, с точки зрения Христианской религии.

2. Он себя исправил, но потом. Он искупил свою вину. Читал Евангелие, создал себя сам.

3. Тогда, если полагать, что ему было бы под силу себя изменить, тогда бы все люди были бы одинаковыми (не внешне,

конечно, я теперь правлю), правильными. То и судьба бы у них была лучшая, одинаково счастливая судьба (Охотя не одна и та же. Не одна девушка, например, потому, что Суженная,

не у всех одна и та же. Не одна Соня, например. Потому что сонечек таких уйма, все девушки могут быть Сонечками, если они гуляют с другими. Потому что Сонечка не была проституткой, а была просто заблудшей девушкой. — Пишу я себе потом.)

В другой колонке, Опровержений, я писала:

1. Он мог бы не быть таким. К этому привела болезненность его характера. Он мог бы употребить все эти силы для исправления себя.

2. А мог бы не погибать вовсе, и не надо было бы падать и вновь восставать, то есть восстанавливаться, а надо было бы жить ровной и хорошей Жизнью.

3. Но изменить себя к лучшему ему надо было бы с самого начала, а не потом, потому что после того, после убийства, после того, как он стал хуже, исправиться и стать лучше, намного сложнее."

4. "Если бы так было с самого начала, он бы не сделал той глупости, ошибки." — Но тогда я не могла надеяться на свою объективность, потому что себе не доверяла, я не знала, что это и есть объективное понимание.

5. Для такого как он, заставлять страдать других — это зло. Он не хочет стать злом.

21 февраля 2005 года

Мне нравится все-таки весна. Хотя мне так не повезло и так сложно дается этот

переход от зимы в весну. Меня это все же начинает вдохновлять. Сегодня 21 februarie.* Утро немного запелененное испаринами, еще раннее. Я школьница и иду в школу. Лед и снег на дороге вот-вот начнут таять, только еще Солнце взойдет повыше. Я повернулась назад, а там, над пастельным, красноватым пейзажем, состоящим из веток и деревьев, нескольких домов. Оно действительно зазвенело. Как будто звучал его цвет и его настроение тоже звучало. Хорошо сказано. Все в предверии нового дня.

*Написала я по-румынски для того, чтобы это написать, то есть чтобы вы полюбовались на ЕГО моего Духовного Жениха носик. Потому что возможно вы —Я — в будущей Жизни.

Я люблю эту слякотную весну, почти весну. У меня Грустное настроение. Я смотрю на землю и радуюсь. Кажется,

радость не должна быть такой сильной, ведь ситуация банальна. Разве можно радоваться банальщине. Но нет, это не просто нитка зеленая не просто травинка, на черной дышащей земле. Что-то большее. Грязь играет по-особенному на земле весной. Видны поры и гранулы земли, хоть эта грязь немного раздавлена. Это была земля, а не просто грязь. Не просто улица, не просто февраль.

Сначала трава мне казалась безсильной, потому что была покрыта инеем. Но как-то раз взглянув я видела в ней жизнь, она уже оживает. Цвет грязи, земли и травы складывались в очаровательный ансамбль.

Воздух не был пошлым и весенним. По крайней мере, если бы он был весенним и таким же пыльным как весной, то мне на тот момент было бы неприятно. Но нет, он был прозрачным, белым, потому что не было растительности или чего другого. Воздух был легким и чистым. Этот период

сменения пор года — наверное бесцветный. Если уж Зима — голубая, Лето — красное, Осень — золотая, а Весна — зелененькая. Хотя как мне кажется Весна розовая — от цвета лепестков. Хотя оно именно сейчас кажется (представляется) мне пошлым.

Надеюсь, моему Солнцу хорошо и он больше не волнуется и не беспокоится.

16 апреля 2005

"Сегодня пасмурный день, я лежу на печке, пишу дневник. Хочется плакать, бабушка опять кричит, и не хочет слушаться. Одна у меня радость — эти хорошие книги, Достоевский Федор Михайлович."

25 мая 2025 года

"Лежу и пишу дневник, мне приятно. Мне легко на душе. Книги мне помогают стать хорошою и делают меня лучше и доброю

делают. Я всегда очень люблю читать. Мне хорошо от их ласковых слов и умных мыслей и идей..."

Тут нарисована свинья, потому что мой Духовный Жених, восстанавливал мне эти записи по памяти, то есть некоторые из них. Но настроение передано верно.

Он читал нам свои лекции спокойным, тихим и хорошим голосом. Был одет всегда, почти, аккуратно, в крохмальном воротничке и галстуке. Он так преображался, что казался почти поэтом. От него у меня потом стал творческий запал и стремление к творчеству, пусть он меня и обломал, своим вопросом, но я все равно стараюсь ему как Учителю подражать и хотела бы с ним делиться своим творчеством и не разочаровывать его.

Так я писала о нем в дневничке своем:

В один день, я подходила к школе, но меня кто-то позвал, я обернулась, и увидела его, Дневничек. Он шел сзади и окликнул меня два раза: "Маргарита!".

— Маргарита! Ты что, глухая?

— Возможно... — сказала я, когда он подошел ближе.

Потом, когда мы поравнялись***** и пошли дальше рядом и он по-русски сказал:

— Смотри, береза раздевается...

Но, по-моему, это была не береза, а какое-то другое дерево, подумала я тогда.

С дерева, действительно, кружась в медленном и плавном танце падали, спускаясь, желтые листья. Кажется, то дерево было осиной.

И он спроэктировал мне ту неудачу, что могла бы со мной случиться, но так и не случилась, потому что я занималась школьными занятиями и заданиями и потихоньку читала Федора Михайловича

Достоевского.

Тут, нарисована, в предыдущем абзаце, в самом верху, принцесса Белоснежка, Золушка и Спящая Красавица, в прекрасном и простом платье. Платьев, как и принцесс, тоже три. Но он мне одной это все говорил, а значит, подразумевал, что я эти принцессы, все три. Но на выпускной мне так и не досталось такого принцессочного платья, а досталось от матери очень маленькое, ужасно короткое и с обнаженными плечами беленькое платье, когда же я хотела себе купить розовое с белым пышное и длинное, потому что такова была мода в это время. И она пусть было бы пышное но прикрытое, то есть скрывающее ноги, как и у всех остальных моих одноклассниц, у которых были платья принцесс, а не просто короткая и маленькая, едва прикрывающая тело, тряпка, а вовсе не платье. У всех моих

одноклассниц были пышные и складные платья, а у меня одной какая-то тряпка. Я об этом очень плакала, слезы так и блестели на выпускном бале, и все лицо было заплаканное.

Тут, нарисована, в предыдущем абзаце, в самом верху, принцесса Белоснежка, Золушка и Спящая Красавица, в прекрасном и простом платье. Платьев, как и принцесс, тоже три. Но он мне одной это все говорил, а значит, подразумевал, что я эти принцессы, все три. Но на выпускной мне так и не досталось такого принцессочного платья, а досталось от матери очень маленькое, ужасно короткое и с обнаженными плечами беленькое платье, когда же я хотела себе купить розовое с белым пышное и длинное, потому что такова была мода в это время. И она пусть было бы пышное но прикрытое, то есть скрывающее ноги, как и у всех остальных моих одноклассниц, у которых были

платья принцесс, а не просто короткая и маленькая, едва прикрывающая тело, тряпка, а вовсе не платье. У всех моих одноклассниц были пышные и складные платья, а у меня одной какая-то тряпка. Я об этом очень плакала, все лицо было заплаканное, и слезы так и блестели на выпускном бале.

Последний абзац является моим вариантом книги, то есть этого абзаца, чтобы вы все посмотрели, как меняет дело одна фраза. И то, только переменянные в ней местами части фразы.

Этот Выпускной бал был в конце года, а мать мне не показывала на выбор платьев.

Но, пока, мы с Учителем разговаривали.

— Какое тебе время года нравится? — спросил он.

— Весна. — я ответила.

— А мне осень. — сказал он.

Потом мы должны были войти в школу и я прошла поскорее первой, а он отстал.

Мне было бы, почему-то, стыдно, если бы нас увидели вместе. Что делает школьница в компании учителя?***** И уйдя, тогда, пораньше из его общества, я дала ему понять, что личных разговоров мы не должны были бы вести, но он мне помогал мир понять, и его общество, как предводителя в мире литературы и поэзии было необходимо для меня.

Но я тогда не вспомнила, что видела, на расстоянии, с ним еще кого-то, а видела я моего Ангела Хранителя и Духовного Жениха, которого еще тогда не знала.

*****(*)Но мы не были ровней, ни возрасту, ни по росту, ни по статусу и чину. Он был взрослый мужчина и вел себя в этом пассаже очень неправильно. Мой Жених и Ангел Хранитель очень злился на

него за то, что он пытался стать со мной на такую близкую ногу. Он его за это так и не простил, а убил метафизически потом, моим каблучком.

Он упомянул тогда, на уроке, при всем классе, что у него есть мальчик, но даже не сказал, что для меня. Я так тогда, когда мы шли, да и потом, и не познакомилась с моим Ангелом Хранителем и Духовным Женихом.

Потому что Он постеснялся подойти.

Здесь, в предыдущем абзаце, а не в последней фразе, внизу, виден вид сверху на моего Духовного Жениха, у него из-за моего отца был травмирован нос. А еще тут видно, если смотреть на весь абзац вместе, то есть, разом, как меня за руку взял чужой мальчик, юноша, постарше меня, и от которого я руку отняла, потому что он сидел рядом с девушкой, за которой ухаживал, когда мы были рядом,

на скамейке. Подобный пассаж, когда юноша берет за руку девушку, с прекраснейшим духом и красивым сладострастием подан у Николая Васильевича Гоголя в "Сороченской Ярмарке".

Но, сейчас, опять о том нашем Учителе:

Мы прозябали на его уроках как какой-то весенний цветок, и этот цветник, то есть весь наш класс, был чрезвычайно тих и радостен, при каждой встрече с этим нашим Новым Учителем, хотя он был уже старым, но так и выражался, когда говорил о классе, — как о цветнике. То есть:

"Тут у вас все цветы, и я, заходя в ваш класс, — расцветаю."

Так я потом писала в своем личном дневнике, потому что в школьном,

конечно, того всего не напишешь:

Он снова пришел в наш класс, мне было приятно думать о нем, и сегодня утром и вчера вечером, мне думается светло и ясно. Это, похоже, не любовь, а так прояснения душевные. Как же я люблю эти прояснения! Мне кажется, он мой Идеал Учителя!..

Далее я писала так, о школе, дискотеке и прочем:

Я пришла к Жюстине, там был ее брат. Мы посидели у нее, поговорили с ней о разных вещах, и уже уходили на дискотеку, был вечер, солнце светило и сияли в лучах наши с Жюстиной волосы, мои потемнее, и ее светлые, мои карие и ее зеленые глаза. Солнце садилось, и поливало все ярким и нежным золотистым светом.

Тут описан процесс кормления грудью. Я

испортила себе соски потому, что прочитала в журнале, что их надо готовить к сосанию младенцем, растирая полотенцем. И начала тереть их, еще учась в школе, потому что в будущем, надеялась стать матерью, но так и не стала, пока что, ею.

Здесь видны лица двоих моих ухажеров, которые истязали и мучали меня, но об этом потом.

Вот так, еще, можно переменить этот пассаж, но более неудачно, так что, пожалуй, этого пассажа и не читайте, а прослистните, если вы не слишком любопытны:

Я пришла к Юстине, там был ее брат. Мы посидели у нее, поговорили с ней о разных вещах, вышли на улицу и уже уходили на дискотеку, был вечер, солнце светило и сияли в лучах наши с Юстиной,

— мои потемнее, но красноватые, и ее светлые, зеленоватые — волосы, мои карие и ее зеленые глаза. Солнце садилось, и поливало все ярким и нежным золотистым светом.

Я шла с Юстиной, тут, появился ее брат, он догнал нас сзади, и сделал со мной одно дело, мне было очень неприятно, и пошел дальше, я же ему сказала, вслед, чтобы он так не делал, что так делать нельзя, мне было противно и плохо от того, что он сделал.

Дома я успокоилась и забыла всю грязь вчерашнего дня. Я стала вновь дневник писать и записала и прошлый пассаж. Но мысли мои были о будущем все, о жизни нашего мира и счастья всех людей. Я думала, как всехлюдей пробудить к новой и лучшей жизни, к надежде на Жизнь Будущего Века.

Я знала, что завтра Учитель придет

опять...

И вот, что этот чистый ребенок читал нам далее:

(А я взяла ручку, раскрыла тетрадь и писала.)

"Роман Ф. М. Достоевского "Преступление и наказание""

"Действие романа происходит в Петербурге. Это своеобразное действующее лицо — город, который дышит, угнетает, навевает кошмарные видения, выдумывает безумные идеи.

Голодный студент Раскольников чувствует себя отверженным, среди богатых особняков. Писатель "ведет" читателя в дома, где живут его герои. Мы видим грязные и вонючие дома, дворы-колодцы, поднимаемся по темным лестницам; вот одна из них — узенькая, крутая и вся в помоях. Кухни всех квартир отворялись на эту лестницу оттого была страшная духота. Комната

Расколькова, слабо освещенная, с низким потолком. Он говорит, что эти низкие потолки теснят душу и давят на ум.

(А когда я спросила:

— А что, действительно так?

Он ответил:

— Прекрасный город!)

Встреча Раскольникова с Мармеладовым, знакомство с его семьей, производят потрясающее впечатление на Раскольникова. Но подобные потрясения ждут его на каждом шагу. Не

более светла судьба его матери и сестры Дуни. Перед нами возникает вопрос, который терзает и истерзал ему сердце:

Что же делать, чтобы этого не бывало?

Раскольников, воспринимающий чужую боль как собственную. Вместе с тем он горд, необщителен, одинок. В одиночестве рождается страшная теория "необыкновенных и обыкновенных": Обыкновенные должны жить в послушании, необыкновенные имеют

право даже на преступление. И Раскольников хочет проверить свою теорию на деле, доказать, что он имеет право на "убийство по совести". Что он властелин судьбы, а не дрожащая тварь

Он решается на убийство процентщицы (Алёны Ивановны), чтобы осчастливить на полученные деньги наибольшее число людей. Одно преступление приводит к другому и он убивает добрую, смиренную Лизавету.

Во время чтения, а читал он вдохновенно, он пышал любовью и добротой. Мне нравилось даже его спокойное дыхание.

Так, продолжал он далее:

"Мотивы преступления Раскольникова" был новый заголовок, и он читал:

Положение Петербургского***** люда было безысходно. Встречи, разговоры, наблюдения Раскольникова вели его к преступлению. "Мечта" Раскольникова так бы и не осуществилась, не встретив он

Мармеладова, не получив письмо матери, не встретив обманутую девочку. "Господи! — молил он — покажи мне путь мой, и я отрекись от проклятой мечты моей!" Но впечатление от пережитого, одно на другое наслаивается, у Раскольникова не остается, как ему кажется, никакого другого выбора, кроме того, что он сделал.

***** Пишем это слово отныне с Большой Буковки.

Мы видим картину социальной несправедливости. И его, задуманная, мечта не только следствие собственной нищеты и проверки на практике безчеловечной теории, но и неприятия им уродливого мира насилия, несогласия жить, смирившись с собственным положением, своим и близких. Жизнь заставляет Раскольникова не разувериться в собственной мечте, а осуществив ее на практике. Кроме

мотива нищеты, голода, помощи родным, в его объяснениях звучит мысль, что он хотел утвердить свое право быть сильным, способным перешагнуть через кровь преступления, чтоб "Наполеоном сделаться".

Урок мне понравился и запомнился я стала писать опять Оду в Дневничке Нашему Учителю. Как приятно он говорит и как интересно рассказывает, меня тронул его рассказ о мечте Раскольникова. Не о том, что он хотел стать Наполеоном, а о том, что он хотел всем помочь, всех спасти, даже ценой собственного своего преступления. Но было и помимо школы много событий и я их тоже описывала.

Урок мне понравился и запомнился я стала писать опять Оду в Дневничке Учителю. Как приятно он говорит и как интересно рассказывает, меня тронул его рассказ о мечте Раскольникова. Не о том,

что он хотел Наполеоном стать, а о том, как он хотел всем помочь, всех спасти, даже дорогой ценой своего собственного преступления. Но было и помимо школы много событий и я их тоже описывала.

Найдите различия, между ^ этими двумя, предыдущими пассажами. Посмотрите, куда указывает стрелочка - и постарайтесь ее не проморгать.

Тут выше, показано чье-то лицо, понимаете, что оно очень диспропорционально, потому не повторяйте в реальности его. Но если его дофантазировать, ему можно добавить пропорций. Таково лицо моего Жениха Духовного. То есть, оно имеет почти правильные пропорции.

И буквами оно нарисовано опять, почти начиная с того самого места..., чуть повыше, правда, оно начинается.

Но было и помимо школы много событий и я их тоже описывала.

В следующий раз я писала в дневнике так:

Я пошла с Владиславой на дискотеку, она просила, чтобы я зашла к ней домой, в обратную сторону от дискотеки, мы пришли, немного побыли и потанцевали, прошло, кажется, только пять танцев. Мы танцевали одиноко, в кружок, и несколько девушек из моего класса, еще. Мы постояли еще немного, а тогда Мария, то есть Владислава сказала, что хочет идти домой, хотя было еще рано, кажись, то есть, как мне показалось. Потом я с ней опять ушла домой и попрощалась. Вот и вся моя ночная жизнь.

Я знала, что завтра Наш Учитель придет опять...

Он пришел на урок и читал нам опять про Федора Михайловича Достоевского, точнее про его героя.

И он пришел.

Дале он читал так:

"Родион Раскольников — новый тип героя. Он совершает свои поступки по собственной воле, и добро творит и преступления совершает. Таким образом все обстоятельства внутри самого Раскольникова — говорил он совершенно забывая о среде, которая может заесть, но это так, если не учитывать, что среда отбивается как в зеркале в самом человеке и он уже должен был бы со всеми теми вопросами, что туда попадают и там появляются, проблемами, что там решаются, справиться, потому он и не совсем прав, но среду он все же описал, если даже не учитывал:

Действия романа происходят летом, в душном, грязном и пыльном Петербурге.

Писатель ведет нас в тот квартал города, где живут ремесленники и местные чиновники, ростовщики, и их жертвы, где десятки трактиров и публичных домов, грязь и зловоние. Этот город угнетает, давит на его душу, усиливает страдания. Достоевский изображает мир страданий. Это спившийся, потерявший человеческий образ Мармеладов, умирающая от чахотки Катерина Ивановна, вечно голодные дети, Соня, вынужденная продавать себя на улице, мать, Дуня, которая готова пожертвовать своей юностью ради Раскольникова. Эти обстоятельства жизни, это общество, отравили психику Раскольникова.

Изображения человеческих страданий не исчерпывают, однако, всего содержания романа Достоевского. Борьба Добра и Зла, стремления найти Смысл Жизни, решить где истина — в вере, или безверии?

Вот вопросы, которые ставит автор в

романе."

Я ходила тогда в штанах, с грубым, почти мужским холщевым ремешком. Штаны же сами были тоже холщевыми, но не просто такой нежной материи, как у Раскольникова, которые ему купил Разумихин, а грубой и жесткой, что происходила из Америки. И эти штаны мне колени терли и натирали тело. Но потом были у меня и штаны из нежной ткани, то есть материи, которые мне мама на базаре купила и я их тоже носила. Вообще же, мы ходили все в коротких юбках и даже школьная форма была коротковата.

Марфа Петровна как уже было сказано, была грубой женщиной и говорила всякие грубости и несуразности, всякие резкости и колкости, иногда завуалировано, а иногда прямо, дурные и нецензурные.

Отец меня об этом предупредил, он

говорил, и убеждал: "Пропускай все, что она говорит, мимо ушей", а я еще сильнее стала слушаться ее, а я не понимала, почему он меня против нее настраивал. Она кричала. И я стала еще сильнее заострять внимание на всех ее, даже самых простых, словах, а злилась, при этом, на отца. Отец и Мой Духовный Жених подарили мне сердце кроткое, тихое, доброе и душу чуткую. Я думала и считала, что нельзя никого обижать, даже такой пустяшной вещью, как простое невнимание и тем более, непонимание. Но бабушка моя была злобной и коварной женщиной, что пользовалась моим вниманием во вред мне самой и всем остальным, да и не только моим вниманием.

Моя бабушка сказала мне однажды, после того, как я нечаянно разбила нос:

"Раньше у тебя нос был таким прямым."

Касаясь в разговоре моего носа, она так меня унижала. Но в романе это

допустимо, потому, что тут носы и даже лица, поправляют, а не просто издеваются и даже не издеваются вовсе.

А надо было моему отцу сказать, не "пропускай мимо ушей", а "Понимай, что она хочет сказать, и не обращай внимания на оскорбления ее. А сама ее тоже не оскорбляй."

Но я, все же, от бабушки моей очень страдала.

Я мучалась, я изнемогала и очень страдала, я веру теряла.

Я спросила тогда, у своего Учителя, на уроке, когда запала тишина и мы отдыхали, при всем классе, конечно, но довольно тихо: "А во что Вы верите?" На что он также тихо, сумрачно и спленированно, то есть, со вздохом полным сплина, ответил: "Я уже ни во что не верю..."

Вот другой вариант того же пассажа,

более ранний, куда мой жених не примешался, выберите себе по вкусу:

Тогда я спросила, довольно плохо подумав:

— А вы во что верите?

На что Аркадий Иванович Отрадный ответил:

— Я уже ни во что не верю. — будто ответил ради одной рифмы.

Так учителю себя вести нельзя было, а я тогда этого совсем не знала, и увлекалась его словами и речами, вещами которые он описывал и рассказывал. Тем более, что говорил он красиво и красочно.

Следующая тема, которую он нам преподавал, была:

"Наказание в романе"

"Большая часть романа посвящена изображению нравственного наказания, которое последовало за убийством.

Писатель заглянул в самые глубины души человека пролившего кровь, и показал какими страданиями он расплачивается за это. Убийца теряет веру в себя, в свои силы, в свои прежние убеждения. К самому себе он испытывает бесконечное отвращение.

Достоевский показывает тяжелую духовную драму героя. Такой детальный психологический анализ заставляет и читателя перемучиться всеми муками Р. Раскольникова.

"Преступление и наказание" — социально-философский, психологический роман. Главное в нем — борьба идей, сложные философские искания самого автора.

Основное в произведении не преступление и его раскрытие, а мотивы преступления. Автор уделяет большое внимание нравственной оценке действий Раскольникова, решению вопросов, виноват ли преступник.

Теория Раскольникова о разрешении "крови по совести" безусловно вредна.

Так он оканчивал уроки о Достоевском и Родионе Романовиче Раскольникове, главном герое романа "Преступление и наказание", которые совершает преступление чтобы доказать себе, что он имеет право на власть, чего не имеет и не должен был бы иметь ни один человек.

Он преподавал нам еще и Толстого, например, и многих других поэтов и писателей, как всегда, вдохновенно.

Потом, Я много читала Достоевского, и начала усиленно читать "Преступление и наказание" и другие романы Федора Михайловича Достоевского, чтобы оправдать Раскольникова, понимать, кто прав, кто виноват. Я подумала, что этот человек, Аркадий Афанасиевич Отрадный, сам как Федор Михайлович Достоевский и очень на него похож

душевно, я начала восхищаться произведениями Федора Михайловича, наслаждаться их упоительной высотой, до экстаза. Я написала у себя в личном дневнике, что хочу ему сказать, что он красивый человек, написала еще, что я "хочу его руку, плечо..."

Потом, Я много читала Достоевского, и начала усиленно читать "Преступление и наказание" и другие романы Федора Михайловича Достоевского, чтобы оправдать Раскольникова, понимать, кто прав, кто виноват. Я подумала, что этот человек, Аркадий Иванович Отрадный, сам как Федор Михайлович Достоевский и очень на него похож душевно, хотя не физически, я начала восхищаться произведениями Федора Михайловича, наслаждаться их упоительной высотой, до экстаза. Я написала у себя в личном дневнике, что хочу ему сказать, что он красивый человек, написала еще, что я хочу его руку, плечо...

Я читала все романы Достоевского, а когда читала повесть "Записки мечтателя", случилось одно происшествие, о котором я писала в дневнике:

"Тут я читаю у Достоевского про Азорку, а сегодня Бимка умер."

Я писала потом и так:

"Знаешь, Дневничек, Бимка умер. Господи, как будто так и надо. Кажется, он был отравлен. По крайней мере, так говорили и рассказывали родные. Странно, ведь я еще не выходила замуж и собака была совсем еще маленькой, пару лет всего. А говорят, собака умирает, когда девушка выходит замуж, или умирает сама.

Сегодня солнечный, ясный, хороший день, но на душе как будто тень. Мне жаль умершего пса. Его, наверно, отравили, быть может, соседи, но возможно, он съел крысиного яду, что у нас был дома, в

доступном для него месте, в поднавесе.

« Думаю о нашем Учителе.

Так хочу с ним увидеться снова, никак пятницы не дождусь. Не дождусь, когда он снова придет на урок. Очень интересно на уроках у него.

Хочу ему сказать, что он красивый человек.»

А у него был внук намного красивее, — Василий Алексеевич Отрадный, — он сказал мне только, что у него есть сын, то есть мальчик, но не сказал, что для меня и вовсе больше ничего не сказал... А он был его Духовный Сын, потому что Я была его Духовной Дочерью.

Тут есть маленькая неувязочка и вам повезет, если вы ее найдете:

А у него был внук намного красивее, — Василий Алексеевич Отрадный, — он сказал мне только, что у него есть сын,

как я подумала, то есть мальчик, но не сказал, что для меня и вовсе больше ничего не сказал...

У меня к нему была большая любовь к нему, но чисто платоническая, эта любовь мне почти не запомнилась, потому трудно ее описать, но она поддерживала меня, мое существование, и оставалась чистой.

Я хотела бы пробудить всех, и даже писала о способах пробуждения в моем дневнике, я хотела, чтобы они пробудились к Жизни Вечной, а не в личном смысле. Я спрашивала в своем дневнике, как будто обращаюсь к ним:

"Нравится ли вам ваша жизнь?" Но это было в дневнике и я не могла ответить сама себе на этот вопрос.

(Кому нечего делать, в условиях безработицы, тот становится писателем,

если у него есть талант. Так размышляла я в своих дневниках.)

В дневнике, я писала:

Под глазами у него такая голубизна...

Когда я писала: "Под глазами у него такая голубизна..." Я не понимала, что думала о красивом голубом цвете. Как глаза моего любимого она была, но мой любимый с такими голубыми глазами, был его внучатый племянник и Духовный Сын.

Я думала о нем как светлом чем-то, и писала:
Дневничек, надеюсь, моему солнцу хорошо.

Знаешь, дневничек, у меня, кажется, поправляется слог. И жилка во лбу бьется, как будто бьется мысль. Это было озаглавлено: Над Достоевским. Так я писала в своем дневнике. Я думала об этом над романом "Подросток" Федора Михайловича Достоевского, нашед такое

слово в контексте, и читая его слова: "В голове у меня забилась мысль".

Я думала, что наш Новый Учитель Аркадий Иванович Отрадный такой же, как Федор Михайлович Достоевский, такой же умный и добрый, я его идеализировала и пела в душе своей на честь его дифферамбы и гимны:

Как хорошо, что он опять пришел, как хорошо, что я увидела его, мне приятно с ним, он очень серьезен, он очень воспитан. Обращение у него очень любезное, то есть. Какой он хороший! Он такой высокодуховный человек!

Потом в классе, в другой день он говорил, когда мы стояли у окна, из которого видно было ту пресловутую "березу", а на самом деле осину, что пленных, с высоты бросали, чтобы убить. Тогда я спросила:

— А разве больно?

На что он сказал только:

— Ну...

И так он выбросил меня в окно. Метафизически, одними словами, хотя мне все равно было больно, но я не понимала тогда, что это было мне во благо.

«Сегодня серый пасмурный день, мне грустно на душе. Он сегодня в школу не пришел, не понимаю почему. Видимо, занят был, или видеть нас не захотел, мне грустно, я так хотела с ним увидеться, а он... Ну, неважно, ничего страшного.»

Такие вот кавычки надо было ставить все время, если бы это получалось у меня в редакторе Notes, то есть в заметках, на телефоне Samsung j6+

Тут нарисован цветок и сам кактус, что символизирует боль моей утраты, когда мы потеряли один его урок.

Тут (второй вариант) пишем более грубо, а

для маленьких носиков надо писать нежно, а не так:

«Такие вот кавычки надо было ставить все время, если бы это получалось у меня в редакторе Notes, то есть в редакторе Заметок.» — Это тут неправильно и делает большие носы.

Я начинала, благодаря Достоевскому, понимать чувства и эмоции, внутреннюю жизнь сердца, как он бы сказал.

"У меня улучшается слог, как мне кажется". — писала я далее.

С самого детства, я считала себя некрасивою, мазалась⁴, фабрилась и прочее.

А считала я себя некрасивою потому, что никто не говорил мне, что я красивая, кроме Аркадия Ивановича Отрадного, который, когда я встретила с ним, на

почте, сказал мне:

— Красавица!

Потому, что меня никто так и не полюбил за всю мою тогдашнюю жизнь, а была я тогда, когда начала щеки румянить, губки подкрашивать, брови выщипывать, глаза нафабривать, то есть краской мазать, ногти лаком мазать, еще совсем маленькой девочкой, было мне 13 лет. Препжнее время, меня в кое-чем из этого руководила мать. Да и потом, я стала краситься только по привычке и потому, что так, якобы надо. Мать же на этом всем настаивала, в чем была неправа.

Я писала о нем, о Нашем Учителе тогда еще новом, что он мой идеал учителя и от него исходит какой-то нереальный свет. Но не понимала еще сама моих собственных слов о нем.

А только поздно, намного позже, я поняла, что он был моим Духовным Отцом и что моя любовь к нему была

платонической. То есть, любовью ученика, то есть ученицы, ко своему учителю.

Здесь нарисован тигр, хотя это все можно воспринять и пошло, но я прошу вас, так не воспринимать.

Я получила от него на Выпускном Бале Похвальный Лист, с помощью которого меня потом в Университет на собеседование пригласили.

После конца этой главы, вы можете понаслаждаться природой и миром, не читая ничего, так как она создает особое благорастворение и всему помогает и все устает, то есть устанавливает. Можете даже представить, что все это было с вами, а не с кем-либо другим.

Поцелуй не по любви

Я была еще совсем дитя, хотя мне было 15 лет, я видела по телевизору не раз поцелуи. И по телевизору как раз тогда, в тот период времени, говорили о том, что надо учиться, или некто учился целоваться на помидорах. И когда я была на огороде, взяла помидор и стала целовать его, чтобы научиться целоваться. Потому что мне стыдно было оставаться нецелованной и никем необлюбованной, в мои-то 15 лет. Потому что стремилась стать взрослой, как и все, потому что у детей всегда мода на взрослость и никто из них, к сожалению, не понимает, как хорошо, на самом деле, подольше оставаться детьми.

Цветан сидел на корточках у моих, точнее моей бабушки, ворот, у песчаного насыпа

соседей, и когда я вышла за ворота за каким-то делом или без дела, уже не помню, он спросил: "Можно я проведу тебя с дискотеки?"

Я подумала тогда, что можно бы попытаться полюбить и его, хоть этого скуластого мальчика. И сказала:

— Да.

Конечно, я думала узнать его получше и тогда решить, смогу ли я его полюбить. Но не тут-то было.

На дискотеке, уже под конец, он предложил мне то же самое и взялся меня проводить.

Он провожал меня с дискотеки длинной шосейной дорогой, в темную пору суток, поздним вечером, было ужасно темно, по шоссе почти не ходили автомобили, он держал меня за руку и я много разговаривала, но одна, он не проронил ни слова, ни звука. А мне была так интересна его внутренняя жизнь, душа.

Я взвинчено и панически что-то рассказывала ему по дороге, то есть я

чувствовала панику и волнение, в котором не отдавала себе отчет и голос звучал взвинчено и растеряно.

Это слово — "растеряно" — как и весь роман, мне сейчас подарил Настоящий Автор моего романа — Федор Михайлович Достоевский.

Мы дошли до моей калитки и ворот, и стали перед ними.

Цветан приобнял меня за талию, я же была тогда в красном гольфике и американских штанах. Он посмотрел вверх и сказал:

— Романтика!..

На что я, не ответив, подняла голову и увидела звезды на синем небе, но только я успела их увидеть — Цветан меня поцеловал. Я пошевелилась, ответив, и в ответ ему, потому что на меня напал ужасный и совершенно напрасный и бессмысленный, глупый стыд, что я покажусь нецелованной.

После того, как он меня поцеловал, я

опустила голову и страдая внутренне и понурившись ушла в калитку, свои ворота.

Я зашла в дом, и взобралась и села на печке. Свечи так и не зажигала. Кровь в моих жилах волновалась шквалом и шумела в ушах. Мне было так противно и тошно, грязно и мерзко, от этого, моего самого первого поцелуя с мальчиком, что я не могу представить себе ничего хуже, особенно тогда. Тогда, в то время, я еще ничего худшего не испытывала. Мне было так омерзительно потому, что я не любила и даже не была влюблена, это был мой первый поцелуй, поцелуй по нелюбви и из нелюбви, это было ужасно больно и плохо, больше я не хочу и не хотела повторять ни с кем таких поцелуев, но с тех пор на меня словно бы нашло проклятие, которое означало, что я не могу быть как прежде чиста, и осуждена быть либо одна, либо не с тем, кого бы выбрала, а потом я выбирала все хуже и хуже, из-за этого моего первого поцелуя

по нелюбви.

С тех пор я решила целоваться только целомудренно, но так и не смогла впоследствии сдержать слова данного сейчас же, в те ранние мои годы, хотя больше меня во всю мою жизнь никто физически не целовал, хоть я и переходила от одного возлюбленного, точнее, от одного нелюбимого ко другому, и целовалась с ними в переписке, пока не увидела своего Духовного Жениха и не нашла у себя в голове Его, моего Истинного Метафизического Жениха, Возлюбленного и Супруга Духовного.

Университет

Был 2006 год, лето, мне было 16 лет. И я сделала себе паспорт.

Я должна была поступать в университет.

Читайте об этом часть моего романа "Злобина"

Мать мне тогда сказала: "Что же делать,

придется дать взятку." А я не знала, как все всюду заведено, в точности, хоть и понимала, что так поступать нельзя, но, по глупости и слабости своей, не смогла воспротивиться, только посмотрела на мать, и не знала, что сказать, а смолчала.

Мы тогда с мамой в университет, и под его темными и сырыми сводами встретились с одним человеком, что носил прическу как у Гитлера, то есть его черные волосы были, через пробор, зачесаны на бок, это был Проректор Филологического Факультета, мама поговорила с ним, а он меня спросил: "Дитино, ти говори ти вмієш?"*

Я только сказала: "Да" и удивилась тому, что в Университет берут даже тех, кто только чуть говорить умеет, быть может.

Мать договаривалась с ним о даче взятки, таким образом. Но потом сам Декан устроил нам аудиенцию и потребовал взятку, назвав это спонсорской помощью, и мать дала 5 тысяч гривен, на то время большие

деньги, но их все же было недостаточно, чтобы я долгое время там училась. Декан, казалось, нам благоприветствовал, когда мы говорили о моей школьной табели, сам Декан в разговоре намекнул мне и моей маме, что у меня была девятка по Линейному Рисунку, такому маловажному и простому предмету, потому, что у меня не было родителей учителей.

Тут видно, как Декан связал мне руки, попросив взятку и как он ставил на мне крест, то есть, метафизически убивал меня, этими своими словами.

* Ребенок, ты говорить умеешь?

А было на самом деле, то есть

по правде, вот что:

Но потом сам Декан потребовал взятку, назвав это спонсорской помощью, и мать

дала 5 тысяч гривен, на то время большие деньги, но их все же было недостаточно, чтобы я долгое время там училась, если у меня не было родителей учителей, на что сам Декан в разговоре намекнул мне и маме моей.

Нас экзаменовала, то есть, проводила собеседование, Профессор и Преподавательница Черновецкого Национального Университета Червонная Ольга Вячеславовна, она была очень большеглазой, в сером, с большими голубыми глазами и с большими красными бусами на тонкой шее, немного сторблена и седовласа. Мне попался, между прочими вопросами в билете, вопрос об Александре Сергеевиче

Пушкине и о его романе "Евгений Онегин". Я стала рассказывать все по книжке, и сказала. Потом она и Профессор Петр Васильевич Почвенный, дородный мужчина примерно

пятидесяти лет, с лысиной и седовласый, стали меня спрашивать. Она меня спросила: « Кто был в романе «Евгений Онегин» ?» На что я ответила: « Татьяна, Ленский и Онегин» , — а потом она спрашивала: «Как звали сестру Татьяны?» Я имени не знала, потому что не запомнила. Какой была сестра Татьяны? Я хотела выпалить ей: «Какая-то бледная особа с льняными кудрями.» Но так ничего и не сказала. Ведь мой Жених Духовный знал: Она говорила в своей работе «Аполлогия Ольги Лариной», что в отличии от Татьяны, Ольга была румяна, и добавляла, что это здоровый румянец, а не то, что болезненная бледность Татьяны, которую она называла сладострастной и ревнивой в противовес этой героине и Онегину.

Утаерждая еще, что Онегин и Ольга — пара, как и Ленский и Татьяна. Но обо всем по порядку:

На самом же деле, это был самолюбивый румянец, а самолюбие, как и гордость, не так похвальны. Когда даже сам Пушкин недвусмысленно намекает на низменное сладострастье Ольги, когда Ленский читал ей роман, на то, что она была при чтении романа ей Ленским, развлечена чем-то или кем-то совсем иным. То есть та, даже не вслушивалась в роман, не то, чтобы быть внимательна и самой читать. А ведь роман-то был возвышенный, не то, что современные, постмодернистские романы, в своем множестве.

А Ленский что же, зачем он читал роман Ольге, которая не была его Настоящей Ближней и Духовной Невестой, Парой? Если конечно, Ленский умер на дуэли, а не попросту инсценировал свою смерть, чтобы помешать союзу Онегина и Татьяны. Если только, конечно, так читать роман. Но на самом же деле Ленский есть

благородный персонаж, который даже, вопреки мнению Ольги Вячеславовны Червонной, высказанном в статье "Аполлогия Ольги Лариной", о том, что якобы из-за напора страсти они сношались до Свадьбы, не тронул бы Ольгу Ларину до Свадьбы. Вот такова была бы моя ответь Ольге Вячеславовне Червонной, на ее Аполлогию Ольги Лариной. В этих двух пунктах она ее защищала. Не откажем и ей в некоей правоте, в том, что она создала противовес центрального образа и по-другому раскрыла роман, но она не должна была писать свою статью не в рифму и как попало. А еще, эта свинья, правду говоря, нельзя никого обзывать, но тут крепкое словцо напрашивается само, потому что она сказала, что Татьяна Онегина не ждала, поскольку она сама, а вовсе не Татьяна, плохо из рук вон, читала роман или была так неблагонамеренна, что это сказала.***

*** Эту заметку читайте в последнюю очередь.¹⁷

А она сама была типом Ольги Лариной, куда я была типом Татьяны.

И я попросилась прочесть им "Письмо Татьяны" и я очень серьезным, но немного грустным, но очень красиво, нет не прочитала, а пропела им "Письмо Татьяны". Однако этого им, было, видимо, мало. Я была довольно способной, и после этого я тоже пела и писала стихи, хотя меня заперли там где находятся психиатрические больные, но об этом история продолжится потом.

Тут я рисую себя с мешком картошки или сена за спиной, так развивалась бы потом моя история, потому что я была не принята этими людьми, то есть университетскими Профессорами и потому мне могли бы отказать от дома,

если бы я тяжело не трудилась и не работала. Покуда же, я находилась дома у меня не было проблем с трудоустройством и мне давали содержание родители, хотя я на них тяжело

работала и трудилась. Отец того всего совсем не требовал, а вот мать и бабушка заставляли меня себя не жалеть.

А она сама была типом Ольги Лариной, покуда я была типом Татьяны.

И я попросилась прочитать им "Письмо Татьяны" и я очень серьезным, но немного грустным, но очень красиво, нет не прочитала, а пропела им "Письмо Татьяны". Однако этого им, было, видимо, мало. Я была довольно способной, и после этого я тоже пела и писала стихи, хотя меня заперли там где психи, но об этом история — потом.

Тут, в самом низу, я рисую Сонечку с Огненным Пером, на которую, как мне казалось, была очень похожа Ольга

Вячеславовна Червонная, на самом же деле тут нарисована я, и так могла бы повернуться моя судьба, если бы меня так и не приняли в Университет и я осталась дома одна, я могла бы пойти работать в какой-то Café-Çhantane и быть навеки несчастной, как поступила одна моя бывшая одноклассница — Наталья, ее мне очень жаль.

Но из этих двух вариантов, что в последних пассажах, я выбрала первый, и ни о чем не сожалею. Потом, после трудов праведных, проведенных однако не бездумно, а с книжкой, ведь, когда выдавалось время, я непременно училась и читала, я много прочитала и уже в Университете, когда мне, ведь все же, причем, тогда же, удалось туда поступить, пусть деньги взятки, которую я очень не хотела давать, но и не без моих собственных страданий и трудов, и страданий, потому что я знала наизусть

письмо Татьяны и его почти совершенно, то есть идеально прочла и читала. Я потом изнежилась опять и вернула себе форму и состояние которые раньше потеряла, потому, что я вела дневниковые записи и себя опять потом вспоминала и сызнава становилась собой, после тяжелых и праведных трудов. Я тогда, то есть потом, опять Воскресала, после, как уже было сказано, тяжелых и праведных трудов.

У нее, у этой Преподавательницы, Ольги Вячеславовны Червонной, кроме "Аполлогии Ольги Лариной" была методичка о Рецептивной Поэтике, в которой она собрала в кучу поверхностно изученных мыслей великих философов и писателей. И устраивала кулуарные договоренности. И тогда, когда она говорила со мной на кафедре и укоряла бог весть чем, я очень страдала, а она отнекивалась от меня и моего страдания тем, что у нее, видите ли, такая рецепция,

то есть, такое восприятие, а иначе воспринимать она, якобы, даже и не может. Но об этом история дальше. Если нам ее дописать Бог поможет.

Но ничем для меня закончилось это Собеседование, похожее на Экзамен. И меня отправили на настоящий Экзамен. Который я выдержала, по крайней мере, мне так в письме сказали. — Вдруг, из Университета пришло письмо, я, сначала, так обрадовалась!..Но начала плакать, из-за взятки, которую мама дала, потому что место нечестно получала. То есть получала возможность учиться в университете. Я так и зарыдала и долго не могла успокоиться. Но понадеялась на лучшее, подумала, что если они меня раньше не оценивали, перед получением взятки, то есть, то потом могли все же и меня посчитать достойной, даже если я

дала взятку.

Тут изображены мои с Василием объятия, тут он меня утешает, из-за этой взятки.

Она читала на лекциях опрометчиво что-то из изнанки романа и навязывала это нам.

В университете я ходила в черном атласном пиджаке и брюках, и была похожа на Венеру, которая, надев мужской наряд, тихонько едет в Маскарад.

Я ходила робко, так, как будто пела своими движениями ин-де-линь — ин-де-линь, потому что так звучал пол под моими ногами, когда я ступала.

Была ранняя Осень, Я читала Гомера и смотрела на березы, что росли за окном под уютным и милым, чистеньким, белым, и простым балконом. Березы были в осеннем золоте, то есть желтыми.

Соседство неприятное на одной постели. Но об этом я не хочу рассказывать. Не пускайте к себе на постель ночевать неприятных людей, или хотя бы тех, кто не заслуживает вашего полного доверия.

Но тогда я не грехопала и ни с кем не спала, а приняла, поспать, на постель свою соседку по комнате, в которой я жила в Черновцах, где поселила меня мать, наняв квартиру. Там я жила со знакомыми девушками из нашего и соседнего сел, но они не были даже моими подружками, а были простыми знакомками. Мне они не нравились и меня не привлекали их забавы и улады, они занимались какой-то ерундой, плохо учились и успевали. Но успевали не по

учебе, как можно было бы подумать, а только в погоне за женихами, покуда я поспевала и училась. Меня не занимали их затеи и забавы, их увлечения и развлечения, их ухажеры, то есть обманщики, что за ними ухаживали, которые не были даже их женихами, а только за ними ухлестывали, их соблазняли и покоряли, к тому же, даже не для того, чтобы на них жениться, а чтобы попросту переспать, то есть чтобы совокупиться, а не любить друг друга, как это делается в приличном браке, когда люди любят друг друга Искренне и являются Друг для Друга Созданными, и Благоверными Друг Друга, являются.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.